

© 2013 г.

Б. В. Варнеке

СТАРЫЕ ФИЛОЛОГИ

*Вступительная статья, подготовка текста, публикация и
комментарии И.В. Тункиной*

РУССКОЕ И НЕМЕЦКОЕ АНТИКОВЕДЕНИЕ РУБЕЖА XIX–XX вв. ГЛАЗАМИ Б.В. ВАРНЕКЕ¹

Мемуары филолога-классика, латиниста, историка античного и русского театра Бориса Васильевича Варнеке (1874–1944) охватывают период с середины 1880-х годов вплоть до лета 1914 г. Автор описывает впечатления от прослушанных лекций и семинаров в Петербургском историко-филологическом институте, университетах России, Германии и Австро-Венгрии, приводит характеристики своих учителей и коллег. Б.В. Варнеке затрагивает вопросы аттестации научных кадров в дореволюционных университетах и сравнивает системы преподавания классических дисциплин в Германии и России, причем не в пользу немецкого антиковедения.

Ключевые слова: антиковедение рубежа XIX–XX вв., историография, Б.В. Варнеке, Петербургский историко-филологический институт, университеты России, Германии, Австро-Венгрии.

История отечественной науки, включая все субдисциплины антиковедения, сегодня переживает «антропологический поворот», знаменуемый взрывом интереса к личности главного творца науки – человека, ее создающего². Одним из основных источников для историко-научных реконструкций биографий ученых являются документы личного происхождения, прежде всего воспоминания и переписка, содержащие индивидуальные, субъективные взгляды автора на происходящее и окружающих его людей. К этому жанру относятся впервые публикуемые мемуары об учителях и коллегах по научному цеху «Старые филологи» латиниста, историка античного и русского театра Бориса Васильевича

Тункина Ирина Владимировна – доктор исторических наук, директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПФ АРАН).

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-00005а, и РГНФ, проект № 12-01-00008а.

² Подробнее см. Тункина 2010.

Варнеке (1874–1944)³, которые охватывают период с середины 1880-х годов вплоть до лета 1914 г. Эти воспоминания дополняют IV выпуск альманаха «Древний мир и мы», ровно наполовину посвященный виднейшему петербургскому антиковеду Фаддею Францевичу Зелинскому (1859–1944)⁴. Ф.Ф. Зелинский – самый крупный представитель культурно-исторического направления в русском антиковедении рубежа веков, учитель Б.В. Варнеке по Петербургскому историко-филологическому институту, затем его старший коллега по Петербургскому университету. И автобиография Ф.Ф. Зелинского, недавно опубликованная в русском переводе⁵, и воспоминания его ученика Б.В. Варнеке повествуют практически об одном времени – конце XIX и самом начале XX столетия, когда поступательное развитие и России в целом, и ее науки было насильственно прервано Первой мировой войной и двумя революциями 1917 г.

В 1922 г. Ф.Ф. Зелинский, поляк по рождению, под предлогом заграничной командировки окончательно перебрался из полувымершего от голода и болезней Петрограда в Варшаву, где еще в 1920 г. стал профессором университета, и в конце концов принял польское подданство. На летних вакациях 1924 г. 65-летний ученый гостил у сына Феликса в Шондорфе в Германии, где продиктовал по-немецки своей дочери Веронике обширную «интеллектуальную» автобиографию «Mein Lebenslauf», которую затем собственноручно исправил и авторизовал. Безусловно, Ф.Ф. Зелинский обдумывал и тщательно взвешивал каждое слово, сознательно создавая каноническую версию собственной жизни, которая явно предназначалась для прочтения не только потомками, но и духовными учениками.

Мемуары 60-летнего Б.В. Варнеке также рассчитаны на постороннего читателя, но они созданы десять лет спустя, в 1934 г., в Одессе, в условиях тоталитарной не-свободы. Эти воспоминания сразу писались сознательно, что называется, «в стол», без надежды скорой публикации на родине. В послереволюционные годы Варнеке тяжело переживал отрыв от привычной русской научной и культурной среды из-за насильственной украинизации всех сторон жизни и полного разгрома университетского антиковедения в Одессе. Десятилетия ученый был лишен возможности заниматься своей прямой специальностью – классической филологией. 14 ноября 1925 г. Б.В. Варнеке писал академику Ф.И. Успенскому: «Вы спрашиваете, как мне живется? Как может жить теперь классик, предмет которого упразднен на всем пространстве Украины. Приходится “промышлять” разными отхожими промыслами. Но самое грустное и тяжелое – это невозможность печатать, а работать для пополнения конторки – нет охоты и смысла»⁶. После ликвидации в 1930 г. созданного на обломках Новороссийского университета Одесского института народного образования Б.В. Варнеке не допускали к чтению лекций вплоть до конца 1932 г. Только в 1936 г. он возглавил кафедру истории мировой литературы Одесского пединститута и одновременно стал читать курс римской литературы в воссозданном Одесском университете.

Как и вся гуманитарная интеллигенция той эпохи, Б.В. Варнеке жил с оглядкой на возможный арест и просмотр его бумаг посторонними лицами, поэтому между

³ См. о нем: Алексеев 1924; РПБС. 1, 390–391 (А.В. Лавров); Писатели... 1992. 1, 64–65; Тункина 1996; 1998; Немченко 2005; Никитюк 2005; Бузескул 2008, 7, 8, 259–260, 274, 286, 294, 346, 435, 438, 440, 446, 527–528; Снегина 2008; Рейтблат 2009; Тункина, Избаш-Гоцкан 2009; Тункина 2011; Левченко 2011.

⁴ Древний мир и мы. Вып. IV. СПб., 2012. С. 11–220.

⁵ Зелинский 2012, 46–197.

⁶ СПФ АРАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 59. Л. 80б.

1926 и 1934 гг. переправил целую серию своих воспоминаний об ученых, писателях, журналистах – «Старые филологи», «Материалы для биографии Н.П. Кондакова» и «Литературные встречи» – в Ленинград коллегам-филологам различных специальностей: В.Ф. Шишмареву, В.Н. Бенешевичу и своему ученику М.П. Алексееву, а театральные мемуары – в Центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина в Москве.

«На седьмом десятке лет» профессор Б.В. Варнеке попытался создать опыт научной автобиографии: воскресить основные этапы своего развития и становления как филолога-классика и историка античного театра. Автор представляет себя как человека в науке, который год от года развивался умственно, духовно, с удовольствием обучаясь и жадно узнавая новое на протяжении всей жизни, перенимая лучшее у своих учителей и коллег как в России, так и за рубежом. Но, как писал сам Варнеке, «недаром Гете подметил привычку судьбы не давать деревьям расти до неба»⁷. Недавняя публикация биографического очерка об ученом⁸ позволяет отказаться от подробного пересказа его нелегкой жизни, трагически оборвавшейся через десятилетие после создания этих мемуаров из-за обвинений в коллаборационизме. Напомню лишь ее основные вехи в соответствии со структурой публикуемых воспоминаний.

Первая глава посвящена периоду детства, отрочества и юности Б.В. Варнеке в Москве (1874–1894). Незаконнорожденный сын актрисы, росший при матери за театральными кулисами, он с 8-летнего возраста выступал как детский статист на подмостках московской оперетты. Мальчик начал учебу во 2-й Московской прогимназии у А.Н. Шварца, который сумел заинтересовать его латинским языком. По внешним обстоятельствам обучение было прервано в 1887 г., но несмотря на это Варнеке упорно занимался самообразованием и самостоятельно приступил к изучению древнегреческого. За кулисами театра он познакомился с академиком Ф.Е. Коршем, который стал для него наставником и устроил молодого человека в старшие классы 1-й Московской гимназии. Вынужденный искать заработок, Варнеке как корреспондент «Московского листка» стал посещать заседания Московского археологического общества и других научно-художественных объединений, где слушал доклады А.Н. Шварца и И.В. Цветаева. Увлечение античным искусством заставило его часами просиживать в библиотеке Российского исторического музея. Спустя годы автор пытается понять истоки своего интереса к классицизму, неумное стремление «кухаркина сына» к чтению, расширению собственного кругозора, получению гимназического, а затем высшего образования по древним языкам.

Вторая глава посвящена пребыванию Б.В. Варнеке в Петербурге (1894–1904), т.е. годам студенчества и началу профессиональной деятельности. Здесь главное внимание уделено блистательной и очень тонкой психологической характеристике учителей и старших коллег. Автор обрисовывает круг своего общения, приоткрывая для читателя кастово-замкнутую и достаточно закрытую для посторонних профессорско-преподавательскую среду Петербурга и Москвы. В северной столице возникли новые «опоры и мосты» духовных и профессиональных связей Варнеке, сохраненные им впоследствии. Среди подробно выписанных портретов и беглых набросков, яркими мазками нарисованных Б.В. Варнеке, – русские фи-

⁷ Архив Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина (ГЦТМ). Ф. 45. Оп. 1. Д. 17. Л. 71.

⁸ Тункина 2011.

тологи и историки разных поколений: Ф.Ф. Соколов, И.И. Холодняк, П.В. Никитин, И.В. Помяловский, В.В. Латышев, Л.А. Мюллер, Н.Н. Томасов, О.А. Шебор, Н.К. Гельвих, Ф.Ф. Зелинский, Н.М. Крашенинников, А.В. Никитский, Н.И. Новосадский, В.К. Ернштедт, С.А. Жебелёв, М.И. Ростовцев, Г.Ф. Церетели, И.М. Гревс, П.П. Митрофанов, А.И. Соболевский, М.М. Покровский, В.И. Модестов, Ю.А. Кулаковский и др., а также геолог А.А. Иностранцев, философ А.И. Введенский, всеобщие историки П.Г. Виноградов, Н.И. Кареев, Д.К. Петров, литературоведы И.Н. Жданов, В.В. Кудряшев, В.В. Сиповский и др.

Б.В. Варнеке высоко оценивает методику преподавания древних языков в Петербургском историко-филологическом институте, где он обучался (1894–1898) и при котором был оставлен для подготовки к профессорскому званию (1898–1901) под руководством профессора Ф.Ф. Зелинского. Сразу после окончания ПИФИ Варнеке как вольнослушатель восполнял пробелы в своем институтском образовании, посещая в Петербургском университете лекции по западноевропейской и русской литературе А.Н. Веселовского и И.Н. Жданова, по истории искусств – А.В. Прахова и А.Н. Щукарева, наведывался в Эрмитаж к Г.Е. Кизерицкому для изучения античных подлинников, интенсивно занимался в Публичной библиотеке.

Блестящая подготовка и начитанность выпускника ПИФИ, живо интересовавшегося литературой и театром, свободное знание шести новых и древних языков сослужили ему хорошую службу как преподавателю в 5-й Петербургской гимназии (1899–1904) и в Николаевской гимназии в Царском Селе (1902–1904)⁹. Выдержав магистерские экзамены и прочтя две пробные лекции, с осени 1901 г. Б.В. Варнеке был допущен к преподавательской деятельности в качестве приват-доцента по кафедре римской словесности Петербургского университета: его университетские курсы и практические занятия были посвящены преимущественно толкованию Теренция, Марциала, Овидия и других римских поэтов¹⁰.

11 мая 1903 г. Б.В. Варнеке защитил в университете магистерскую диссертацию по истории древнеримского театра, а через два года в Московском университете уже в качестве исполняющего должность экстраординарного профессора Казанского университета (с 20 июля 1904 г.) – докторскую по истории древнеримской комедии (степень утверждена 28 февраля 1906 г., 20 марта того же года возведен в звание ординарного профессора)¹¹.

С годами, обзаведясь семьей, Б.В. Варнеке стремился уехать из Казани на юг. В письме к профессору Новороссийского университета Э.Р. фон Штерну от 19 ноября 1909 г. он объяснил необходимость такого шага: «Главнейшей причиной, заставляющей меня желать переезда на юг, является тяжелая и хроническая болезнь жены, которая, как уроженка Киева, не переносит климата Казани, а выздоровление которой наши врачи обуславливают с выездом из Казани»¹². Наконец, по представлению Э.Р. фон Штерна, благодаря положительным рекомендациям Ю.А. Кула-

⁹ См. фрагмент его неизданных воспоминаний «Литературные встречи» (1931) из архива ученика Б.В. Варнеке, акад. М.П. Алексева – воспоминания о директоре царскосельской гимназии И.Ф. Анненском, опубликованные с купюрами: Варнеке 1983.

¹⁰ ИР НБУВ (Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Киев). V, 2236. Л. 1–2 (автобиография Б.В. Варнеке от 19 ноября 1909 г.); СПФ АРАН. Ф. 1098. Оп. 1. Д. 29. Л. 1 (биография Б.В. Варнеке, написанная А.И. Малеиным в январе 1922 г.).

¹¹ Варнеке 1903; 1905.

¹² ИР НБУВ. V, 2234. Л. 1–1об.

ковского и Ф.Ф. Зелинского, 6 февраля 1910 г. Советом историко-филологического факультета Новороссийского университета Б.В. Варнеке единогласно был избран ординарным профессором кафедры классической филологии и 26 апреля 1910 г. «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству» утвержден в этой должности. С тех пор он безвыездно жил в столице Новороссийского края – Одессе.

Б.В. Варнеке пишет о том, что творилось «за кулисами тогдашней петербургской высшей школы», демонстрируя сложные взаимоотношения представителей разных научных направлений и кланов, что позволяет историку науки реконструировать личные и научные связи внутри профессионального научного сообщества. Большинство его характеристик учителей, коллег и учеников – глубоко продуманные, психологически точно и талантливо нарисованные реалистические портреты ученых. Они – отражение личности самого мемуариста и психологии его собственного научного творчества. Автор с заинтересованностью освещает вопросы подготовки и аттестации научных и педагогических кадров в дореволюционных университетах и историко-филологических институтах¹³. Особый интерес для читателя представляет его субъективное восприятие атмосферы на публичных диспутах в столичном университете – защитах магистерских и докторских диссертаций, в частности, блестящей защите литературоведа И.Н. Жданова, и «проблемных» защитах антиковедческих работ М.Н. Крашенинникова и И.М. Гревса.

Показательно, что взгляды учителя и ученика – Ф.Ф. Зелинского и Б.В. Варнеке – на определенные события, характеристики конкретных лиц и оценки научных трудов коллег по научному цеху порой диаметрально противоположны. Ученик был моложе своего европейски знаменитого учителя на 15 лет и на многие вещи неизбежно смотрел другими глазами. Отдавая должное трудам Зелинского, написанным в молодости, Варнеке восхищался им как блестящим и непревзойденным лектором и популяризатором науки в эпоху падения общественного интереса к классицизму в начале XX в., считал его «человеком большого ума и широкой культуры». Тем не менее многие высказывания автора «Старых филологов» созвучны словам папиролога Г.Ф. Церетели, который в частных письмах коллегам метко называл Ф.Ф. Зелинского «импрессионистом науки»¹⁴. Парадокс состоит в том, что с возрастом Варнеке гораздо ближе оказались не Зелинский и его последователи, а «фактопоклонники» соколовской историко-филологической школы¹⁵, о которых он вспоминает с неизменной благодарностью, уважением, теплом, любовью и гордостью за то, что в жизни довелось с ними встретиться и многому у них научиться.

«Старые филологи» помогают увидеть в науке человека, который сам определяет свои взаимоотношения с коллегами, ведь всякая наука строится на взаимном доверии, где эмоциональное доверие неотделимо от собственно научного. Главным критерием для автора всегда оставались «нравственная чистоплотность» и

¹³ Той же теме посвящена обширная мемуарная записка академика С.А. Жебелёва «Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем» (1935), опубликованная лишь в наши дни (Жебелёв 2002, 146–172).

¹⁴ Фихман 1995, 254, прим. 131; 255, прим. 139.

¹⁵ Мною изданы также его мемуары о двух других «фактопоклонниках» в науке – историке византийского искусства и археологе, академике Н.П. Кондакове (Варнеке 2002) и археологе, нумизмате, коллекционере, вице-президенте Одесского общества истории и древностей, военном инженеру А.Л. Бертъе-Делагарде (Варнеке 2011). Полный перечень лишь частично изданных мемуаров Б.В. Варнеке о литературном и театральном мире см. Рейтблат 2009, 262, прим. 13.

этические качества личности, а также субъективная интеллектуальная честность ученого. Оглядываясь на труды своих академических коллег с позиции прожитых лет, Б.В. Варнеке фактически причислил учителя к стану своих научных оппонентов – он не мог простить большому ученому Ф.Ф. Зелинскому, одному из «князей» классической филологии, «недостойное» поведение на магистерской защите И.М. Гревса, ведь его учитель «имел полную возможность сохранить независимость», но «в угоду политике нарушил прямой долг перед наукой» и поддержал слабую, на взгляд Б.В. Варнеке, работу диссертанта. «Ясность взгляда» мемуариста, видимо, восходит к театральному детству, к приобретенному таланту понимания и умения отличить правду жизни от постановки, от театрального действия, которое не только далеко от действительности, но пытается создать совсем другую действительность и убедить всех, что это и есть правда. Давно известно, что чем больше артистов на сцене, тем больше публика верит в происходящее. Увидев изнутри постановочную торжественность журфиксов Ф.Ф. Зелинского, а также ложь и фальшь спектаклей, разыгрывавшихся на защитах диссертаций в университете, Варнеке поставил под сомнение «нравственную чистоплотность» учителя и стал терять личное доверие к нему, фактически обвинив того в «ходульной величавости», лицемерии и ханжестве. Это привело к постепенному разрыву тесных связей между ними. Следует также помнить, что в эпоху легализации политических партий и политических предпочтения интеллигенции кардинально различались – Зелинский был близок к либеральным кадетским кругам, Варнеке – к консервативным правым октябристам. В какой-то мере этим можно объяснить тот факт, что имя Б.В. Варнеке в автобиографии Ф.Ф. Зелинского не упомянуто ни разу.

Эмоциональное и научное доверие у Б.В. Варнеке со временем стало таять по отношению и к другим его учителям – И.И. Холоднюку, С.К. Буличу, коллегам по университету М.И. Ростовцеву, А.И. Малеину, И.М. Гревсу, собственному ученику Б.Л. Богаевскому (после Октябрьской революции последний стал ярким апологетом марксизма) и др. Личные письма Варнеке коллегам по научному цеху порой содержат весьма жесткие оценки творчества современников, в частности отдельных трудов М.И. Ростовцева, который был старше мемуариста всего на четыре года¹⁶.

Но история науки полностью подтверждает «принцип дополнительности» Нильса Бора, демонстрируя потомкам необходимость сосуществования различных способов и аспектов познания истины в науке, в данном случае оправдывая существование как ученых-позитивистов (по классификации В. Оствальда – «классиков»), так и «романтиков», много времени уделяющих пропаганде и популяризации своих взглядов. Эти разные типы ученых рассматривались современниками Б.В. Варнеке, да и сегодня нередко воспринимаются как альтернативы. Яркий пример этого являет собой жизнь М.И. Ростовцева, который в своих работах соединил анализ и синтез, используя лучшие стороны научной методологии двух учителей – «фактопоклонника» Н.П. Кондакова и «импрессиониста науки» Ф.Ф. Зелинского. Но каждый ученый в зависимости от психологического склада, каких-то внутренних или внешних обстоятельств в разные периоды жизни может неверно оценивать свое место в науке, тем более ошибаться в научной состоятельности коллег. Так, в приступе депрессии 74-летний М.И. Ростовцев дал трагическую самооценку собственного научного творчества в письме от 4 сен-

¹⁶ Тункина 1997, 118, прим. 105.

тября 1944 г. к американскому ученику Ч.Б. Уэллсу, в котором он видел своего преемника и продолжателя: «Всю жизнь я собирал и накапливал знания в своей области, пытаюсь сопоставить и объяснить факты. Эти усилия выливались в книги, которые я теперь считаю абсолютно неудачными, надуманными, слишком общими, написанными на основе плохо усвоенного и недостаточно хорошо изученного материала. Таков итог моей научной деятельности. *Десятилетиями меня считали выдающимся ученым, тогда как я был всего лишь шарлатаном* [курсив мой. – И.Т.]. К счастью, многие мои ученики, следуя моим советам относительно того, каковым должно быть научное творчество, не пошли по моим стопам»¹⁷. Однако история сама рано или поздно расставляет все по своим местам: «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстояньи». Самооценки (саморефлексия) исследователя как субъекта исторического процесса и оценки коллег – современников и далеких потомков – зачастую бывают диаметрально противоположны.

Живые зарисовки автора воспоминаний показывают русское антиковедение как извне, во взаимосвязи с другими историко-филологическими дисциплинами и с эволюцией русской культуры той эпохи, так и изнутри, исходя из собственных, внутренних факторов развития науки. В этой связи следует подчеркнуть, что Б.В. Варнеке являлся убежденным сторонником реализма XIX века и категорически не принимал как «новые модернистские веяния» в науке, так и всевозможные декадентские проявления в культуре «серебряного века». С целью разъяснения эстетических взглядов Б.В. Варнеке в подстрочных комментариях впервые публикуются отрывки из его неизданных воспоминаний «Литературные встречи» (1931) с зарисовками о журфиксе на квартире его учителя Ф.Ф. Зелинского, где он впервые столкнулся с К.Д. Бальмонтом, а также об университетском семинаре по Овидию, в котором участвовал А.А. Блок.

Третья глава «Старых филологов» освещает вакационные поездки Б.В. Варнеке из Казани (1904–1910) и Одессы (с 1910 г. вплоть до Первой мировой войны) в университеты и музеи Германии и Австрии для совершенствования образования. Именно Германия стала Меккой для русских филологов-классиков XIX – начала XX в., так как немецкая наука с петровских времен служила главным образцом для сложения и функционирования науки в Российской империи. Автор ярко рисует портреты немецких и австрийских антиковедов Фр. Лео, Эд. Шварца, К. Дильтея, Я. Вакернагеля (Геттинген), Ф. Студнички, Э. Бете и Г. Шрейбера (Лейпциг), О. Россбаха (Кенигсберг), Э. Рейша (Вена) и др. Как и предыдущие главы, текст заполнен размышлениями об уровне немецкоязычной науки по сравнению с русской, оценками качества прочитанных книг, надеждами и разочарованиями от встреч с коллегами. Впечатления Варнеке от прослушанных лекций и семинаров в университетских центрах дополнены сравнительным анализом системы преподавания классических дисциплин в Германии и России, причем сравнение оказывается не в пользу немецкого антиковедения. Вполне понятна гордость автора за качество классического образования, полученного им в родном Петербургском историко-филологическом институте.

Из текста публикуемых воспоминаний очевидны нежелание Б.В. Варнеке заниматься «переоценкой ценностей» в угоду политической конъюнктуры, протест против неуважения к достижениям и традициям антиковедения. В языкознании 1920-х – на-

¹⁷ Цит. по: Скифский роман 1997, 566.

чала 1930-х годов догматически насаждался марризм¹⁸, новая генерация ученых-«выдвиженцев» марксистского толка подвергала безудержной критике дореволюционную историко-филологическую науку. Автор открыто осуждает «модное подхалимство» перед марксизмом и прямой плагиат, когда, как писал он, «хороший тон заставляет жуликов, “героев нашего времени”, упорно замалчивать ученых дооктябрьской поры, а вот переписывать их страницами – это очень и очень даже можно».

Б.В. Варнеке прекрасно осознавал, что разделение по «национальным квартирам», утрата свободы передвижения и обмена научной информацией приводит к самоизоляции отечественного антиковедения, которая губительно отражается на его дальнейшем развитии. Стремление к сохранению профессионализма и преемственности в науке заставило Б.В. Варнеке, питомца сильнейшей в стране дореволюционной петербургской историко-филологической школы, способствовать переезду в Петроград в 1923 г. наиболее талантливого из его одесских учеников – И.М. Троцкого (с 1938 г. Тронского), ставшего крупным советским ученым-латинистом и историком античной литературы¹⁹.

Мемуары Б.В. Варнеке написаны блестящим русским литературным языком, каким умели писать классики нашей науки начала XX века, и читаются на одном дыхании. Благодаря многолетней практике журналиста автор кратко, но емко характеризует каждого своего героя. Он сумел перенести на бумагу интонацию речи, иронию собеседника, меткие и ехидно брошенные словечки, делающие его текст живым.

Б.В. Варнеке очень откровенен в оценке окружающих его людей, причем нередко его характеристики носят негативный характер не только в обобщениях, но и в описании деталей личной жизни. Для читателя может стать культурным шоком то, что не только многие видные русские и западноевропейские ученые, но и поэты «серебряного века» автором представлены без апологетики и традиционного хрестоматийного глянца. Его описание быта, нравов, поведения известных деятелей науки и культуры иногда выглядит чрезмерно откровенным и местами производит отталкивающее впечатление. Варнеке сам оговаривал, что «как и всякие воспоминания, и мои, наверно, не свободны и от пристрастий и увлечений, но не предназначая их для печати, я не подлаживался ни под чей вкус и ни на какую мерку, вводя в свое изложение и такие стороны быта, о которых говорить не принято, но без освещения которых многое останется неясным»²⁰. Невольно ввязываясь в «диалоги ушедших», читатель становится свидетелем трагических коллизий во взаимоотношениях героев его воспоминаний и должен быть готов к неожиданным и порой горьким открытиям.

«Все, что происходит с нами, оставляет тот или иной след в нашей жизни. Все участвует в создании нас такими, какие мы есть», – этот афоризм Гете полностью справедлив при оценке публикуемых мемуаров. Психологическое неприятие Б.В. Варнеке ряда современников проще всего объяснить пристрастностью автора, отражением борьбы научных школ, банальной завистью к успешной научной карье-

¹⁸ Подробнее см. Алпатов 1991. Отношение Б.В. Варнеке к господству марризма в языкознании характеризует его письмо, написанное Эзоповым языком, ленинградскому ученику И.М. Тронскому (Троцкому) от 26 марта 1936 г. с благодарностью за присылку книги «Античные теории языка и стиля» (М.–Л., 1936): «Большое спасибо, дорогой друг, и Вам, и Софье Венедиктовне [Меликовой-Толстой. – И.Т.] за новую книгу. Очень сомневаюсь, чтобы Илион западной лингвистики был потрясен до основания этим оружием, но зато туземные Маррадики слегка смогут при желании через эти выборки выглянуть за забор своего Корана, а это на пользу делу. Ваш Б. Варнеке» (СПФ АРАН. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 283. Л. 1).

¹⁹ Тункина 2013, 568–569.

²⁰ Архив ГЦТМ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.

ре или недостаточно тесным знакомством с объектом критики. Судить об объективности и достоверности приведенной им информации мы можем лишь по ряду косвенных источников. Принимать или нет субъективные оценки мемуариста – личное дело читателя, способного самостоятельно их скорректировать с позиций знаний о русской науке и культуре начала XXI века.

Воспоминания «Старые филологи» – часть сборника «Борис Васильевич Варнеке. Воспоминания об ученых», который готовится к печати автором настоящей статьи. Текст публикуется в соответствии с правилами издания исторических документов. Авторские сокращения раскрыты в угловых скобках, пропущенные слова, необходимые для понимания смысла, вставлены в квадратные скобки. Так как первая публикация осуществляется в академическом антиковедческом журнале, в комментариях опущены биографические справки о героях античной истории, мифологии, литературы, общеизвестных исторических событиях и деятелях нового времени, всемирно известных ученых – Т. Моммзене, Эд. Мейере, Г. Буассье, В.О. Ключевском и др. Не приводятся и отсылки к хрестоматийным героям русской и западноевропейской литературы.

Воспоминания Б.В. Варнеке переносят нас в мир дореволюционной гуманитарной науки эпохи расцвета отечественной историко-филологической школы в конце XIX – начале XX в., безусловного пика ее развития, недостижимого уровня, к которому она и по прошествии сотни лет едва ли в состоянии даже приблизиться²¹. В условиях многолетней дискуссии о критериях и качестве среднего и высшего образования это повод лишний раз задуматься о том, что потеряла Россия в 1917 г.

RUSSIAN AND GERMAN CLASSICAL SCHOLARSHIP AT THE TURN OF THE 20th CENTURY AS SEEN BY B.V. WARNEKE

I.V. Tunkina

The memoirs of Boris Vasilyevich Warneke (1874–1944), Classical Philologist, Latinist and Historian of Classical and Russian theatre, Professor of Kazan' University and of the Novorossian University in Odessa, cover the period from the middle of the 1880s till the summer of 1914. The author describes his difficult childhood, which he spent as a supernumerary playing roles of children on the stage of Moscow operetta theatre. Then he attended a gymnasium in Moscow and St. Petersburg Historical-Philological Institute, then taught at the Nicolas gymnasium at Tsarskoe Selo and at St. Petersburg and Kazan' universities. A whole chapter is devoted to his impressions of the lectures he heard and seminars he took part in at the universities in Germany and Austria-Hungary. The memoirs take the reader into the world of pre-revolutionary humanities in the flourishing period of Russian historical and philological school at the late 19th – early 20th centuries. The author describes his teachers, colleagues and friends, touches the problems of attestation of scholars at pre-revolutionary universities and compares the system of Classical education in Germany and Russia; in this matter Warneke supports the Russian system. Among the vivid scholars' portraits, drawn by Warneke, one can meet Russian Classicists of different generations: F.E. Korsch, A.N. Schwarz, I.V. Tsevetayev, F.F. Sokolov, P.V. Nikitin, I.V. Pomyalovsky, V.V. Latyshev, L. Müller, F.F. Zelinsky (T. Zieliński), N.M. Krashenninnikov, S.A. Zhebelev, M.I. Rostovtzeff, I.I. Kholodnyak, A.I. Sobolevsky and others, as well as German and Austrian Classicists Fr. Leo, Ed. Schwarz, K. Dilthey (Göttingen), F. Studnitschka, E. Bethe and Schreiber (Leipzig), O. Rossbach (Königsberg), E. Reisch (Vienna) and others.

Keywords: classical studies, B.V. Warneke, Russian universities.

²¹ Оценку уровня развития русского антиковедения той эпохи см. Бузескул 2008; Фролов 1999 (2006); Gavrilov 1999; Жебелёв 2002; Басаргина 2004; Гаврилов 2011; Боровский 2009, 364–422.